

Кирилл Ликов

Чистосердечное признание

Палач Вертепска

18+

Кирилл Ликов

Чистосердечное признание

«Автор»

2026

Ликов К.

Чистосердечное признание / К. Ликов — «Автор», 2026

В мрачном и загадочном Вертепске происходит серия жестоких убийств. Жертвы подвергаются изощрённым пыткам, напоминающим средневековые методы инквизиции. Расследованием занимается Александр Ядов — необычный детектив, палач города, чья работа заключается в контроле над миром сверхъестественных существ. Сюжет переплетается мистикой, детективной интригой и противостоянием древних сил. Главный вопрос — кто стоит за этими преступлениями: человек, одержимый жадой власти, или древнее существо, вернувшееся из прошлого? Время идёт, а жертвы множатся, и только Ядов может предотвратить надвигающуюся катастрофу.

© Ликов К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Начало	5
Интермеццо	7
Глава вторая. Дело начинается	9
Интермеццо	15
Глава третья. Поиски	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Кирилл Ликов

Чистосердечное признание

Глава первая. Начало

Ночная улица Вертепска утонула в глубокой вязкой темноте, сквозь которую едва пробивались слабые лучи звёзд и лунного света, еле заметно просачивавшиеся сквозь тяжёлые свинцово-серые тучи. Плотные чёрные тени недвижимо вытянулись вдоль фасадов высоких домов, чьи очертания почти растворились в густом сумрачном полумраке. Ветхие деревянные строения скрипели и колыхались под ударами холодного ночного ветра, наполняя улицу тихими звуками, похожими на отдалённое едва уловимое дыхание океана.

Воздух был насыщен разными ароматами: соломой, свежеспеленной древесиной, сосновой смолой и сладким запахом тёплого хлеба, смешивавшимися с лёгкими нотами сушёных лечебных трав и тёплым дымом, струившимся из печных труб. На старых булыжниках мостовых расплескались маленькие лужицы, оставленные недавним весенним дождём, местами покрытые тоненькой ледяной плёнкой, будто застывшие слёзы, проступившие из глубин каменных плит. Булыжники были уложены неровно, изношенные временем и ногами прохожих, покрыты грязью и мягкой мокрой травой, проросшей из щелей, напитавшихся дождевыми водами.

Улица не походила на широкую городскую магистраль — узкие кривые улочки петляли подобно змейкам, неожиданно расширяясь и снова сжимаясь там, где дома стояли особенно тесно. Фасады зданий примыкали друг к другу, образуя мрачную арку, отбрасывая длинные тени и ещё больше уменьшая и без того скудное освещение. Окна надёжно закрывались массивными деревянными ставнями, изящно декорированными вручную вырезанными орнаментами, часто сложными и изысканными, свидетельствующими о мастерстве местных умельцев.

По улице редко проходили прохожие. Изредка мелькали лишь призрачные силуэты домашних животных, свободно бродивших среди пустоты улиц, занятых ночным поиском пищи. Иногда попадались и стражники, совершавшие патрульный обход, бдительно охранявшие порядок и предотвращавшие возможные преступления. Тихое перешёптывание иногда нарушало тишину, сообщая жителям о происходящих поблизости происшествиях, будь то восстание в пригородах или появление общей городской угрозы.

Отблески лунного света достигали воды небольших прудов, делая их поверхность серебряной, гладкой, испещрённой плавными линиями. Нежный туман неспешно поднимался над брусчаткой, окутывая дальние уголки улицы и усиливая ощущение отчуждённости и одиночества у случайных прохожих. Покрытый ржавчиной металлический замок плотно закрывал дверцу полуразвалившегося сарая, ранее служившего хлебной лавкой, ныне заброшенного и закрытого навсегда. Над ним раньше висела вывеска, обещавшая покупателям высококачественный товар, но теперь её заменили символы торговли и процветания.

Лёгкий ветер нежно касался ветвей близлежащих деревьев, вызывая мягкий шорох листьев и лёгкое покачивание длинных тонких ветвей, звучащих тихой музыкой ночи, исполненной особенного очарования. Коты незаметно передвигались по крышам домов, ловко прыгая с крыши на трубу и обратно, мягко приземляясь и вновь исчезая в тенях. Луна бросала причудливый свет на фасады строений, выделяя элегантные линии архитектуры и резные элементы декора, созданные местными мастерами.

Напряжение постепенно нарастало, витая в воздухе ожиданием перемен. Чувствовалось тревожное волнение, словно предчувствие грядущих значительных событий. Тени удлинились, формы предметов исказились, возникали странные ощущения тревоги и скрытой опасности.

Стали появляться загадочные фигуры, олицетворяющие преступность и зло, используя темноту ночи для своих коварных замыслов. Отголоски звуков борьбы и криков эхом отражались от стен домов, подчёркивая социальную нестабильность и необходимость поддерживать порядок даже ночью.

Небо было затянуто плотным покрывалом облаков, звёзды слабо мерцали, словно сигнализируя о предстоящих крупных изменениях и судьбоносных поворотах, способных повлиять на жизнь города и его обитателей. Атмосфера была насыщенная, напряжённая, однако сохраняла особую поэзию и своеобразную привлекательность.

Его бросили прямо на брусчатку в вонь и грязь улицы. Ночное небо покрылось тучами, видимо, не давая хотя бы луне смотреть на происходящее внизу. На улицах Вертепска царствовала ночная тьма, разрываемая редкими одинокими свечными фонарями.

На дворе стоял суровый, но просвещённый семнадцатый век, а также бунт черни в Вертепской губернии. Кто-то где-то рассказывал, что это оборотни затеяли борьбу с вампирами и всем миром, но кто же будет верить в такие сказки. Просто крепостным крестьянам не понравилось, что их теперь можно искать не десять, а все пятнадцать лет. Бывает. Бунты в нашей державе периодически случаются.

— Ну что, попался, мразь?! — ударил мужик сапогом лежавшего на брусчатке мужчину, которого только что вытащили из его же дома.

— Что вы творите?! — в ответ заорал лежащий, но вставать побоялся. — Я судья!

— Енто мы знаем, — кивнул главный среди дюжины таких же небритых и плохо одетых людей, смердящих псиной, — именно ты, мразь, моего братишку осудил на каторгу в прошлом годе! Бей его, парни!

И его начали избивать. До смерти. Но умер он не сразу, на свою же беду. Он ещё валялся и слышал крики из своего дома, когда туда ворвались эти мрази. Через смыкающиеся веки, залитыми слезами глазами видел, как полыхает его дом. И только потом чей-то сильный удар ножом оборвал его мучения.

Интермеццо

— Где она? — раздражение било фонтаном, и Василий орал в трубку.

Но ответов не было. Номер, с которого пришла рассылка о закладке, был исключительно для мессенджера и никогда ни на какие звонки или обратные сообщения не отвечал. Ты бросаешь деньги на счёт, дальше тебе приходит пост, где, во сколько забрать и как выглядит закладка. Иногда это описание, иногда даже фотография места. Но кто же запретит в негодование звонить и орать, когда не можешь найти?

Василия уже была ломка. Он и так еле успел наскрести на эту дозу, так ещё и найти не может. Надо было сварить поганку хотя бы, чуть успокоиться. Но парень хотел настоящего кайфа, а не того, что даёт поганка. Поганкой звали отвратительное варево на основе эуфиллина и других лекарств, продающихся в аптеке в свободном доступе, которое могло снять на недолгое время абстинентный синдром. Но снять — это одно, а оригинальный препарат — это совершенно другое.

— Где эта закладка?! — орал в нетерпении Василий.

Надо же было повестись на этот развод и ехать чуть ли не на другой конец города, чтоб вот сейчас бродить на пустыре возле давно заброшенного здания.

— Кх-кх, — раздалось сзади.

— Тебе чего надо, урод? — повернулся раздражённый наркоман.

Перед ним стоял странного рода мужик в каком-то грязнучем халате и повязке на лице. Явно бомж.

— Ты мою дозу заныкал?

И тут что-то ударило его в висок, и парень потерял сознание. Очнулся он, сидя на каком-то неудобном железном стуле, в странной каменной камерке, освещённой светом двух чадающих факелов. Первым движением стал рывок в попытке встать, но не получилось. Он был крепко привязан к стулу по рукам и ногам. Причём если ноги были привязаны к передним ножкам, то руки — к ненастоящим, специально приделанным подлокотникам.

— Чего за хрень? Отпусти меня, дебил! Что за шутки!

От такой неожиданности он даже забыл про ломку.

— Что за шутки дебилские?!

— Никаких шуток, всё на самом деле, — ответил ему подошедший незнакомец.

Это был тот бомж у здания. А в руках у него было очень странное приспособление, очень похожее на тиски.

— Э, дядя, ты охренел? Ты знаешь, кто за мной стоит?

— Знаю, — кивнул бомж, и его движение очень не понравилось бы любому человеку, слишком оно было механическим, но наркомана такие подробности не интересовали. — И я постараюсь выгнать это из тебя.

А дальше Василий помнил плохо. Боль была везде. То эти тиски сдавливали ноги до хруста в голених, то ломали кости предплечья, потом другим приспособлением ему ломали все пальцы на руках поочерёдно. В это время бомж задавал какие-то вопросы, но Василий их не слышал. Боль и собственный ор не давали сконцентрироваться на чём-то. Только когда палач остановился и дал ему немного передохнуть, он услышал снова его речь.

— Обвиняемый, вы признаёте себя виновным? Или мне продолжить допрос?

— Да! — крикнул наркоман, надеясь, что на этом его муки закончатся.

— Что «да»?

— Да, признаю!

Бомж на две минуты отошёл, а вернувшись, протянул к своей жертве руку, в которой дрожал гранёный стакан с какой-то мутной жидкостью.

— На, пей.

— Что это? — с омерзением посмотрел на стакан измученный наркоман.

— Будет легче.

— Обезболивающее? Наркотик?

— Будет легче.

— Легче — это хорошо, — прошептал Василий и залпом опорожнил поднесённый к губам стакан.

Не успел он допить до конца, как понял, что больше не может дышать. Он жалобно посмотрел на своего мучителя, и тут же его накрыла тьма забвения.

Глава вторая. Дело начинается

Раннее утро словно клинок порезало трелью домашнего телефона. Какой дурак решил позвонить ему так рано? На часах значилось полдень, а он хотел проспать минимум до двух.

— Аллё, — беря трубку, буркнул Саша, — кому не спится в такую рань?

— Привет, — раздался голос Ольги Шрайберг, психолога криминальной службы жандармерии, — у нас тут черед странных случаев, и, по-моему, да и не только, по-моему, это по твоей части.

— А, по чьему мнению, ещё?

— По мнению Истомина и Сироты. Они, конечно, не особо будут рады тебя видеть, но признаются, что польза от тебя есть.

— Они хотят меня видеть?

— Хотели бы иметь тебя в качестве консультанта.

— А ты сама хочешь меня видеть?

— Как профессионал ты бесподобен.

— Я про другое, я про желание видеть.

— А тебе не кажется, что это ты меня бросил?

— Ты предпочла мне мнимые бумажки и желание выслужиться за мой счёт.

— Слушай, не начинай! — попросила женщина.

— Я позавтракать-то могу?

— Можешь, — ответила она, — раньше двух тебя не ждут, пропуск заказан.

— Ты знала, что я соглашусь? — улыбнулся Александр.

— Как сказал кто-то из древних, действия профессионала можно просчитать...

— Да, жаль, что мир полон любителей, — закончил фразу Александр, — это один из законов Мёрфи, хорошо, я буду к двум, ну, постараюсь не опоздать точно.

Завтрак где-то отменялся. Поэтому, быстро умывшись, Александр сварганил яичницу на сале, кофе и бутерброд с колбасой. После уничтожения приготовленных продуктов он оделся и, плюхнувшись в машину, поехал в жандармерию, в главное городское управление. Парковаться, как обычно, пришлось за два квартала. Пропуск на Ядова был выписан, кабинет указан, а вот парковочное место — ищи сам, как говорится.

— Доброе утро, — вошёл Александр в кабинет.

Тут, так же как и в прошлый раз, сидело три человека: следователь Истомин, оперативник Сирота и психолог Шрайберг.

— Не то чтобы доброе, но всё равно здравствуйте, господин Ядов, — поздоровался Истомин.

Сирота кивнул, Ольга промолчала, демонстративно отведя глаза. Саша, увидев этот жест, улыбнулся. Между ними когда-то была недолгая страсть, и он даже показал ей свой мир, в котором живёт, но потом они разошлись, и женщина до сих пор винила в этом его.

— У нас опять маньяк? — поинтересовался Александр.

— Не у вас, а у нас, — буркнул Сирота. — Вы, как и в прошлый раз, просто консультант.

— Это понятно, но есть оговорка.

— Какая?

— Это дело с расследованием у вас, — ответил Ядов, — а маньяк у нас у всех, и пока вы его не поймали, он угроза для всех.

— Так помогите нам его поймать, — произнёс Истомин, — для этого мы вас и пригласили.

— Так я ради этого и приехал.

— Я предлагаю закончить препираться, — произнесла Ольга, — и перейти к делу, а то мы так будем ходить вокруг да около до завтрашнего вечера. Давайте введём Александра Тихомировича в курс дела.

Истомин вытащил пачку фотографий и положил на стол перед Ядовым. Александр сел на стул, взял в руки фотографии и принялся смотреть. Ничего хорошего он там не видел. Трупы, брошенные на пустыре. Единственное, в чём они были похожи, так это в том, что перед смертью их пытали. Александр присмотрелся — да, их именно пытали. Это не было бессвязным кромсанием жертв маньяком, который пытается удовлетворить свои очень странные сексуальные пристрастия. Те обычно не соображают, что именно делают, и их действия хаотичны. Есть молоток или труба в руках — забьют жертву ими, есть нож — нанесут пару десятков ран, есть верёвка — задушат. Потом будут измываться над трупом, отрезать соски, половые органы, но это уже у трупов.

Тут же над жертвами издевались, похоже, при жизни. Да и жертвами были не дети и молоденькие девочки, и даже не старушки — божьи одуванчики, а совершенно разномастные по возрасту и полу люди. Если судить по одежде, люди были даже из разных слоёв общества. Судя по количеству жертв, это был маньяк, но какой-то странный маньяк. На его подозреваемых это тоже не было похоже. Сожрать, разорваться, выпить всю кровь, убить на обряде — это пожалуйста. Но пытаться? Нет, те же вампиры могут и умеют, но это единичные случаи, по делу так сказать. Но чтобы просто ради удовольствия? Никогда.

— Боюсь, господа, это не мой случай, — после просмотра фотографий произнёс Ядов.

— Ты уверен? — прищурилась Ольга, чуточку обалдев от услышанного.

— На все девяносто процентов, — пожал плечами Александр, — мои подопечные могут разорвать жертву, выпить кровь, увести и изнасиловать, приворожить и убить, иссушить, съесть в конце концов, но пытаться... Нет. Этим обычно грешат люди.

— А вы не людьми занимаетесь? — спросил Сирота.

Судя по взгляду Истомина, он с Сиротой были не в курсе профессии Ядова, Ольга так ничего им и не сказала. И это хорошо.

— Я занимаюсь не людьми, — кивнул Саша, — я занимаюсь немного другим, но очень похожим, и могу иногда быть консультантом по вашим делам, когда они пересекаются с моими, но в этот раз могу констатировать, что это дело не моей епархии.

Александр Тихомирович Ядов был палачом. А точнее, Палачом Вертепска. Когда-то очень давно нечисть посчитала себя всемогущей и стала уничтожать людей почём зря, чем и привлекла к себе внимание. Люди собрались и, несмотря на страх, дали отпор.

Это было настолько кровавое противостояние, что даже сами нечистые удивились жестокости людей. Ведьм сжигали, вампиров и оборотней специально отлавливали. Люди вступали в отряды вичхантеров и убивали всех, кто хоть чем-то отличается от человека. И тогда был заключён мир между людьми и нечистью, и установлен закон. А следить за исполнением закона и предотвращать случаи, которые могут обратить взор людей против тёмных, было поручено палачам города Вертепска, которые избирались из людей, очень хорошо тренировались и даже получали инъекции крови разных существ в малой дозе, чтобы получить какие-то их способности, но не стать ими самими.

— Ну, если не вашей, тогда мы вас не задерживаем, — пожал плечами Истомин и посмотрел на Ольгу. — Увы, Оля, ваш протеже отказался нам помочь.

Ядов открыл дверь и вышел, и услышал вслед Ольгин голос:

— Подожди, — а потом, видимо, не ему: — Я провожу.

Она догнала его в коридоре, правда, он и не спешил уходить.

— Ядов, ты охренел?

— Оленька, — он улыбнулся, — ну что за слова.

— Какие есть, — пристально посмотрела в глаза женщина, — ты действительно считаешь, что это не твои? Или ты не хочешь нам помочь? Или ты не хочешь сотрудничать с кем-то одним из нас?

— Оля, не делай из себя обиженную женщину, — сунул руки в карманы пальто палач, — я не имею претензий ни к кому из вас, даже если раньше нас что-то связывало. Нет, это не мои.

— Аргументируй.

— пытки.

— Что пытки? — не поняла психолог.

Александр оглянулся, взял за плечи девушку и отошёл с ней пару шагов, чтобы не стоять на дороге у других и меньше привлекать внимание.

— Давай подробно, — понизив голос почти до шёпота, он продолжил, — мои подопечные могут порвать клыками, разорвать когтями, выпить кровь, увести и убить, но пытать не будут.

— Почему?

— Потому что для вампира, оборотня вы всего лишь еда, а для тех же ведьм или демонов — жертвы для обряда. Ты когда-нибудь пытала курицу перед едой? пытки — это к людям, ибо они очень любят пытать для удовольствия или когда хотят узнать что-то, что не хочет сказать пытаемый.

— Так там почти десяток разных людей из разных районов города, что они все могли знать, чтоб их пытал один человек?

— Ну, значит это не пытки ради тайны, — развёл руками Саша, — а пытки ради удовольствия. Но это не мои.

— Хорошо, — кивнула Шрайберг, — но дай слово, если что-то узнаешь, сразу сообщишь?

— Естественно, — согласился Ядов, — что я зверь какой, именно тебе и сообщу.

Саша поехал обедать. Ничего странного вокруг не происходило. Он, как обычно, заказал себе стейк и наслаждался вкусом слегка прожаренного мяса, когда к нему подошли и безапелляционно заняли два стула за его столом. Подошедшие были одеты странно для этого места, если бы они были людьми, то не прошли бы дресс-код на входе. Кожаные штаны, кожаные косухи, потрёпанные чёрные футболки с яркими принтами, тупоносые тяжёлые ботинки, длинные давно не мытые волосы, длинные бороды, висящие колтунами. В такое заведение, как этот ресторан, таких людей не пускали, но эти существа не были людьми, эти двое были волколаками, или перевёртышами, как они себя называли сами.

— Палач? — спросил тёмно-русый.

— С кем имею честь?

— Чего? — не понял белобрысый.

— Объясняю проще, — хмыкнул Ядов, — вы кто такие?

— Перевёртыши мы, — пожал плечами белобрысый, — а что, не видно?

— Что вы волколаки, — Александр специально сказал это слово, чтоб посмотреть реакцию, — я понял сразу, меня интересуют кто вы, имена, от чьего имени говорите.

— Зачем тебе наши имена? — удивился белобрысый.

— Значит так, — надоело общаться в таком духе палачу, — или вы начинаете говорить нормально, или дайте поесть спокойно.

— А ты не пожалеешь, дядя? — чуть привстал белобрысый.

— Попробуйте меня в этом убедить? — осклабился палач.

— Так, спокойно, — повернулся к сородичу темноволосый, — Клык, иди посмотри за байками.

— Чего это?

— Иди!

Белобрысый ушёл.

— Прости, — попытался извиниться волколак, — Клык у нас редко превращается в человеческую суть, и поэтому слишком взрывной.

— Мы уже перешли на «ты»? — убрал улыбку с лица, продолжив резать кусок мяса Ядов. — И я всё ещё не услышал, как вас зовут, с вашим другом мы выяснили уже, и от чьего имени вы говорите?

— Меня зовут Хвост, говорю я от имени всех перевёртышей.

— Вы глава рода? — прищурился Александр.

— Нет.

— Так как вы можете говорить от нескольких родов?

— Хорошо, — вздохнул Хвост, было видно, что ему тяжело даётся этот разговор.

— Что хорошего? — усмехнулся палач.

И тут от дальнего столика к его столу подошёл ещё один оборотень, одетый почти так же, но видно было невооружённым взглядом, что надетые на него вещи и дороже, и замызганы меньше.

— Говорить буду я, — присел на освободившийся стул вожак, — и спасибо вам, что показали моим приближённым, что вести дела в нормальном обществе — это не то же самое, что с младшим базарить.

— С кем имею честь?

— Рудый, глава рода Кровных, говорю от всех пяти родов и после собрания глав родов Вертепска.

— Вот теперь понятно, что да как, — кивнул Александр, отложив нож и вилку, — и теперь мне интересно, зачем вам, собранию родов перевёртышей, понадобился палач?

— Вы не будете против, если Хвост посидит и послушает? Мы все не вечны, и замену нужно воспитывать заранее.

— Не вопрос. И так, в чём же суть обращения?

— Понимаете, — немного тише стал говорить вожак, — недавно мы нашли одного из наших перевёртышей убитым.

— Это случается.

— Не вопрос, конечно, вызвали вопросы только обстоятельства смерти.

— Не томите, вы же ко мне пришли, — вздохнул Ядов, — а сами держите паузу по Станиславскому.

— Перед смертью его жестоко пытали.

— Интересно, — кивнул Александр, — но неубедительно, у парня могли что-то выпытывать.

— Что можно выпытывать у самой мелкой сошки? Его пытали из удовольствия.

— И кто? — пристально посмотрел палач в глаза оборотню.

— Знамо кто, — влез в разговор Хвост, — вампиры.

— Зачем вампирам пытаться оборотня? Я не помню ни одного такого события.

— Вы же знаете, — продолжил разговор Рудый, — у вампиров и оборотней старая вражда, и это может быть её проявление, так считает собрание родов.

— Отлично, — вздохнул Ядов, — от меня вам что нужно-то?

— Мы бы хотели, чтоб вы занялись этим делом и выяснили, кто эта мразь, которая пытается наших парней.

— А если я откажусь?

— Мы будем действовать из соображения, что это вампиры.

— То есть устроите войну в Вертепске?

— Именно.

— Хорошо, — примирительно произнёс палач, — люди сейчас расследуют очень похожее дело, и это может быть всё взаимосвязано. Я берусь за ваше дело, но пока я его не раскрыл, вы должны дать мне слово, что сохраните в городе покой и примирение.

— Это без вопросов, палач, мы законы знаем.

Телефон зазвонил, когда она уже собиралась ложиться спать. Глянув на экран, Ольга вздохнула.

— Ядов, я надеюсь, ты позвонил извиниться за дневную выходку?

— Не угадала, — ответил Александр, — я решил пригласить тебя на обед.

— С чего это ты захотел меня видеть? У тебя есть какие-то улики по нашему делу?

— Оленька, ты читаешь меня как открытую книгу.

— Вот только не надо льстить, ты и рассчитывал на эти выводы. Так?

— Я заеду за тобой через десять минут?

— Можно отказаться?

— А стоит?

— Платье вечернее или блузки с джинсами хватит?

— Ты великолепна в любом наряде.

— Ядов, ты меня бесишь.

— Я стараюсь, буду через пять минут, спускайся.

Они сидели в ресторане, в одном из лучших ресторанов Вертепска. Красное сухое вино для него, Александр другое не признавал. Белое сухое для неё. У него стейк с кровью, у неё тарелка со стерлядью.

— Ядов, не тяни кота за причинное место, говори, зачем ты меня позвал? — после очередного куска рыбы спросила Ольга.

— Ты будешь смеяться, — прожевав кусок стейка, произнёс Александр, — но я веду расследование параллельно вашему.

— Вот как? А зачем днём уверял всех, что это человеческих рук дело?

— Если честно, я и сейчас в этом уверен, но появились обстоятельства.

— Это какие? — поинтересовалась Ольга.

— Серые, с клыками и когтями.

— Оборотни? — удивилась психолог.

— Представь, — подтвердил Саша, — у них так замучили кого-то из младших, и они считают, что это вампиры, и угрожают начать войну, если я не раскрою и не уничтожу виновника.

— Что ты от них узнал?

— Ровным счётом ничего, — вздохнул палач, — просто меня поставили в известность о его смерти со следами пыток и всё.

— Понятно, — улыбнулась Ольга, — ждём тебя завтра в отделе?

— Слушай, я сегодня немножко переборщил, каюсь, и думаю, завтра ни Истомин, ни Сирота меня видеть не захотят, давай ты мне фотки трупов скинешь, я же понимаю, кроме этого, у вас ничего нет? Я их гляну и подумаю, в какую сторону стоит копать.

— А ты не думаешь, что меня уволят за пересылку данных?

— То есть сегодня утром, — прищурился Александр, — для меня утром, вы готовы были всё это показать, а теперь я чужой человек и показ этих фотографий — разглашение ценных сведений?

— Ядов, ты предсказуем, — сказала Шрайберг и положила на стол флешку.

— Фотографии тут?

— Да.

— Как ты догадалась?

— Я же говорю, Саша, ты предсказуем, — развела руками Ольга. — Ты днём сказал одно, потом звонишь. Странно было бы думать, что ты позвонил только из-за того, что захотел меня видеть?

— Нет, ну и не без этого, — улыбнулся Александр.

— Я польщена, но можешь не врать, — улыбнулась женщина. — Прошное дело было почти полтора года назад, и ты ни разу за это время не позвонил, так что в твои искренние чувства я не верю.

— Всё-таки тяжело обедать сыщика, — легко засмеялся Ядов. — Везде найдёт логическую цепочку.

— Вообще-то я психолог.

— Ещё труднее, — последовал ответ. — Ещё и душу вывернет и заглянет в потаённые уголки.

После ужина он отвёз капитана жандармерии к ней домой, а сам отправился к себе, изучать материалы.

Интермеццо

Господи, зачем она согласилась ехать с этим Ашотом в эту глушь? Надо было в ближайшей рощице от точки обслужить клиента, как делали обычно все её товарки. Но нет, это же был постоянный клиент. Ашот Золотой Зуб. Известный в городе катала.

— Милая, поехали, я тут одно место знаю глухое, там тихо и спокойно.

Ну как отказать постоянному клиенту, если ты с ним уже не раз и не два уезжала, живой и здоровой приезжала обратно? Последнее, что она помнила, как Ашот положил её спиной на капот, а сам залез сверху. Он долго пыжился и старался, а потом из его глаза вырос клинок и кровь закапала на Юльку. Она заорала, но быстрая боль в виске погрузила её в небытие.

Сознание пришло быстро, и Юля открыла глаза. Вокруг были каменные стены. Нет, не кирпичные, как в любом подвале, а каменные, как в старых замках. Юлька как-то в юности была на экскурсии. В углах чадили факелы, единственное тут освещение, а сама жрица любви сидела нагишом, привязанная к железному стулу. Точнее, это было что-то среднее между стулом и креслом, так как имело ещё и подлокотники.

— Очнулась, стерва? — произнесли рядом, и девушка обернулась на голос.

Перед ней стоял странный человек. Это, несомненно, был мужчина, Юлька чувствовала. Но что-то с ним было не так. Движения его были неестественными, немного механическими. Голос отдавал скрежетом, словно во время разговора кости тёрлись друг о друга. Выглядел он как глубоко опустившийся бомж. Весь закутан в какую-то хламиду, с запутанной в какую-то грязную тряпку головой. А запах? Такого смрада она давно не нюхала. И нет, это был не запах вечно обсосанных штанов и пота, как у бомжей. Тут пахло землёй, могилой и разложением.

— Дядь, ты чё, извращенец? — спросила Юлька. — Я тебе и так дам. Или у тебя денег нет? Так я и задаром дам, Ашот, считай, за двоих заплатил.

— Проститутка, — выплюнул бомж, — ничего, я очищу твою душу перед Господним пришествием, ибо не зря он отпустил меня из мрака! Именно для того, чтоб приводить в лоно таких грешниц, как вы, и обелять их грехи перед пришествием его и судом последним!

— Нет! — заорала девушка, дёргаясь в конвульсиях, привязанная к железному стулу, когда мучитель подошёл к ней.

Не прошло и пятнадцати секунд, как кусок мяса, раньше называвшийся левой грудью, упал на пол, извергнув вокруг себя лужу крови.

— Сознаёшь ли ты все свои грехи, грешница? — проскрипел вопрос палач.

— Софною, — шипя беззубым ртом и кровоточащими в нём ранами, когда-то называвшимися дёснами и державшими в себе зубы, призналась проститутка.

— Признаёшь ли ты вину?

— Та.

— Просишь ли ты об искуплении своих грехов и готова ли понести заслуженное наказание?

— Та.

— Пей, — протянул мучитель ей стакан с мутной жидкостью и поднёс его ко рту.

Юля сделала пару глотков и забыла, как дышать.

— Наконец-то, — пронеслась шальная мысль перед самым приходом смерти.

Глава третья. Поиски

И вот уже третий час Ядов пялился в экран компьютера, листая фотографии, и с каждой минутой они ему не нравились всё больше и больше. Не современные это были пытки. Во время кризиса Империи расцвёл буйным цветом рэкет, и вот бандиты, выбивая из жертв деньги, тоже их пытали, но по-другому. Если бы тут были ожоги от утюга на пузе или от паяльника в заднем проходе, вопросы причастности к этому нечести отпали бы сами собой. Но нет, таких следов на трупах не было. И это наводило на мысль. Утюг и паяльник если и не были в каждом доме, то в любом магазине купить можно. Тут же пытали, видимо, существа, не имеющие понятия о пытках бытовыми предметами.

Или, например, мог пытать профессиональный военный, это при боевых действиях бывает. Обычно языка нужно не только взять, но и разговорить, а с учётом отсутствия на это времени, сделать это нужно очень быстро подручными средствами. Таких способов было немного. Тут нужно было сделать ещё так, чтоб язык мог сам передвигаться после допроса. То есть калечить его нельзя. Ядов знал несколько. Можно, например, взять штык-нож и его пилой, надрезав перед этим бровь, пилить череп. Вибрация создаётся очень мощная, она поступает сразу в мозг, и человек орёт от головной боли. Можно взять карандаш и медленно, но верно вкручивать его в ухо. Эффект не менее развязывающий язык, чем у пилы.

Такие способы были мало травмирующими опорно-двигательный аппарат, но легко развязывали языки, по крайней мере в полевых условиях. В стационарных шли и иголки под ногти, и вырывание ногтей, отрезание половых органов, изнасилование обычное и предметами. Всё это могло быть. Но что видел Александр на фотографиях, вселяло ужас. Людей пытали не для того, чтоб они сказали что-то им известное, а чтоб они сознались во всех смертных грехах. Нет, тут не вставляли паяльник в задний проход, тут у некоторых жертв этот самый анус был раскурочен, словно в него винт корабельный вложили. Не было следов от утюга, но были полностью и наполовину сваренные люди или обваренное лицо. Были и вырванные ногти, и перемолотые локти и колени. Кожа и мясо были расчесаны, судя по всему, граблями. Заострёнными, отточенными граблями. Зачем использовать грабли, если то же самое можно сделать обычным кухонным ножом? У нескольких трупов была сломана челюсть, вытекли глаза, а череп имел вид, будто его сдавил руками огромный великан. У Саши даже родилась версия, что это и был великан, но их не видели уже пару сотен лет, а если и замечали урывками, то где-нибудь в районе гор, в малонаселённых районах.

— Это не пытки, а убийство в изощрённой форме какое-то получается, — пробубнил Александр, просматривая фотографии и прикидывая, чем это сделано.

Действительно складывалось впечатление, что преступник не ставил перед собой идею дознаться каких-то фактов, а просто хотел как можно более изощрённо убить свою жертву.

— Тут без Толли не разобраться.

Толли, так звали старого дварфа, архивариуса и библиотекаря в одном лице. Он работал в специальном хранилище центральной библиотеки Вертепска. Конечно же, коллеги из обычных отделов видели в нём просто старого сгорбленного малорослого старика-человека, но Саша знал: Толли есть никто иной, как потомственный дварф. Для этого пришлось ехать в Центральную библиотеку.

Машину пришлось парковать, как обычно для центра, за два квартала до цели. Управляющие города решили в своё время бороться с заставленностью тротуаров автомобилями. Центр города — это точка притяжения бизнеса, тут офисы и дороже, и престижнее, поэтому среди больших компаний считалось правильным иметь офис в центре. А чем больше офисов, тем больше людей приезжает на машине. А вот парковочных мест мало. Вертепск строился очень давно, особенно сам центр. В те времена о автомобилях даже и не знали, и улицы стро-

или для телег и карет. Две разъедутся — уже хорошо. Потом, конечно, пытались расширять, но куда? Это на окраинах места много, а в центре, чтоб что-то расширить, надо что-то снести, а прежде выкупить у владельца. Поэтому парковок было очень мало, и все парковались как могли, нередко перегораживая тротуары и въезды куда-либо. Нынешние власти решили с этим бороться. Запретили парковки вне отведённых мест, мест, кстати, больше то не стало, и назначили почасовую аренду парковочного места в неподъёмную обычному гражданину цену. И сразу желающих парковаться стало куда меньше. Центр освободился. Губернатор теперь по центру ходит и радуется. Вот только в соседних районах, где цены на парковку ниже или аренды вообще нет, чтоб припарковать машину, нужно приезжать на место с первыми петухами. Местные люди жалуются, но они не в центре живут, а значит, не вхожи в круг общения губернатора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.